

А.И. Журавлева

Автор, повествователь, рассказчики

Появление общего предисловия к роману означало введение непосредственного слова автора, его прямого суждения о герое и описанных событиях. Здесь высказаны — с присущим Лермонтову емким лаконизмом — и его важнейшие художественные принципы, прежде всего отказ от устарелого дидактизма, то есть прямой нравоучительности, над которой иронизировали в 1830-е годы Пушкин и Баратынский. Ожидание от романа прямого нравоучения писатель объясняет неопытностью и простодушием русской читающей публики: она «не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. <...> Не угадывает шутки, не чувствует иронии». Лермонтов жалуется, что его книга испытала на себе «несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов».

С негодованием отвергает автор мнение о том, что он «будто бы изобразил себя и своих знакомых», и утверждает, что Печорин, «точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения...»

Сопоставляя Печорина с романтическими героями, которыми еще недавно увлекались читатели, автор полагает, что недоверчивость читателей к подлинной достоверности этого характера объясняется нежеланием увидеть в нем правду о своем поколении.

Критики романа негодовали, потому что сочли, будто автор ставит им своего героя в пример. Между тем создавать персонажей ради того, чтобы они служили примером и назиданием, вовсе не входило в задачи современного писателя. Как и Пушкин, Лермонтов защищает свободу творчества, право художника воссоздавать правду жизни, не заботясь о том, чтобы дать рецепты ее исправления. Он говорит, что ему «просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает, и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж Бог знает!»

Предисловие к роману, войдя в состав его окончательного текста, важно было и тем, что недвусмысленно разделило автора и героя, который теперь оказывался описан извне, объективно. Вместе с тем Лермонтов подчеркнул, что герой — портрет всего «нашего поколения». Здесь очень значимо слово «нашего»: одновременно с работой над романом Лермонтов пишет и «Думу», где впервые лирический герой осознает себя не над историей и временем, но внутри него, чувствует себя причастным к бедам и вине поколения. Отделив себя от героя, дав ему «другую жизнь», другие поступки, другие попытки преодолеть давление времени и обстоятельств, то есть другую индивидуальность и другую судьбу, Лермонтов в то же время объединен с героем принадлежностью к одному историческому поколению. Таким образом, рефлексия (анализ мыслей и чувств), критицизм по отношению к герою оказываются одновременно и самокритикой.

Но авторский голос мы непосредственно слышим только в предисловии. В двух первых повестях звучит голос повествователя — вымышленного персонажа, которому как бы передано авторство романа и который близок автору по уровню культуры и, видимо, по взглядам. Он офицер, притом «записывающий». Это ему принадлежат в повестях «Бэла» и «Максим Максимыч» впечатляющие зарисовки горных пейзажей, описание встреченных людей, и прежде всего Максима Максимыча и Печорина, но фабула, то есть цепочка событий из жизни героев, их приключения, становится нам известна не от него самого, а со слов рассказчика — Максима Максимыча. Так появляется третья точка зрения на героя и события, отличная от взгляда близкого автору повествователя.

Максим Максимыч — человек простого сознания, не слишком образованный, но добрый, честный, умный: он хорошо понимает людей своего круга или еще более простых и патриархальных, чем он сам (например, Азамата, Казбича, других горцев), но ему недоступны мысли и тонкости душевной жизни образованных людей нового поколения. Он тоже, подобно упомянутым в предисловии читателям, питает «несчастную доверчивость» к буквальному смыслу их слов и поступков, объясняет их просто, оставаясь в кругу своих представлений. Так, смех Печорина в ответ на попытку Максима Максимыча утешить его после смерти Бэлы не кажется ему своего рода гримасой, способом скрыть целую гамму сложных чувств — он просто приводит его в недоумение. Холодность Печорина при встрече Максим Максимыч объясняет высокомерием аристократа. А ведь перед ним человек, который чувствует себя чем-то вроде живого мертвеца, человек, который не желает будить тяжелые воспоминания.

В романе благодаря соединению точек зрения разных рассказчиков возникает пересечение разных уровней понимания героев и событий. Сравним, например, два портрета Печорина. Максим Максимыч так описывает его: «Он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно». По-своему это тоже аналитический портрет, но Максим Максимыч опытным взглядом давно воюющего на Кавказе человека сразу замечает то, что входит в круг его повседневных размышлений и наблюдений, и только это. Позже он будет постоянно упоминать все непонятные ему черты Печорина как «странности». Знаменитый аналитический портрет, данный повествователем («Он был среднего роста...»), несравненно полнее, он затрагивает многие стороны и внешности, и внутреннего мира героя.

Голос повествователя ироничен. Принадлежит к тому же кругу, что и автор и герой романа, повествователь склонен к «едким истинам» в своих наблюдениях, в оценках людей и жизни своего круга. Но о Максиме Максимыче он говорит с теплотой, пониманием и сочувствием. Для повествователя, следовательно, сохранили свое значение неизбывные нравственные ценности, лежащие в основе поступков Максима Максимыча: доброта, способность привязываться к людям, стремление помочь другому, не зависящее от меры своего понимания этого «другого».

Итак, помимо автора, голос которого мы слышим в предисловии к роману, в «Герое нашего времени» есть вымышленный повествователь, который выступает своеобразным доверенным лицом автора. Он наблюдает и слушает, но в фабулу романа он не включен, о событиях мы сначала узнаем от первого рассказчика — Максима Максимыча. Однако голос повествователя мы слышим — в описаниях Кавказа и героев романа, и, наконец, последний раз повествователь высказывается в Предисловии к «Журналу Печорина». Именно в этом, вставленном в середину романа втором предисловии, мы узнаем о смерти Печорина, позволившей повествователю опубликовать его записки (изменив имена). Именно этим, вымышленным повествователем высказана знаменитая мысль:

«История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление».

Это высказывание, которое часто упоминается в рассуждениях о романе как собственно лермонтовское, на самом деле принадлежит повествователю. Оно и стилистически близко остальному тексту Предисловия своей заостренной, парадоксальной формой (сравним с рассуждением о «естественности» предательства друзей, например), благодаря чему выглядит несколько односторонне. Тем не менее оно подчеркивает важнейшую задачу романа — заглянуть в душу героя, проанализировать ее, обнаружив тем самым глубинные причины поступков. И здесь повествователь и автор сближаются. Можно предположить, однако, что в системе размышлений автора нет противопоставления *истории души* и *истории народа*. Ведь в своем, авторском предисловии

Лермонтов как раз всячески подчеркивает, что его герой — *исторический* человек, хотя он и частное лицо, к тому же вымышленное. Этот историзм и отражен в названии, ставшем формулой, вошедшей в язык, в культурную память: *герой нашего времени*.

Начиная с «Тамани», первой повести, входящей в «Журнал Печорина», повествование о событиях передается самому герою. Но «Журнал Печорина» неоднороден: «Тамань» и «Фаталист» — это воспоминания, рассказ о событиях и переживаниях, имевших место в прошлом. А вот «Княжна Мери» — именно дневник, в который герой записывает события своей жизни и свои размышления, где он не исповедуется (то есть делает признания кому-то другому), но анализирует свой внутренний мир — душевный и умственный. Не случайно в Предисловии к «Журналу Печорина» повествователь пишет: «Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки». Сопоставляя записки Печорина с «Исповедью» Руссо, он говорит: «Исповедь Руссо имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям».